

УДК 050:324:[811.161.1'37+811.168.1'37](045)

*Е.П. Дулесов***КОНВЕНЦИОНАЛЬНЫЕ МЕТАФОРЫ В РУССКОЙ И ПОЛЬСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ (на материале текстов СМИ, посвященных парламентским выборам)**

По наблюдениям зарубежных и российских лингвистов, метафоричность политической коммуникации повышается в условиях предвыборной кампании. При анализе метафорической мозаики национального дискурса важно разделять конвенциональные и креативные метафоры. Конвенциональные метафоры являются общепринятыми и высокочастотными, они составляют каркас той или иной метафорической модели. На материале текстов СМИ, посвященных выборам в государственный парламент, автор сопоставляет конвенциональные метафоры, используемые для концептуализации политической сферы в русском и польском языках. Эти метафоры относятся прежде всего к сферам-источникам «Спорт и игра», «Война», «Театр и другие зрелищные искусства». Рассматриваются также прецедентные метафоры, прозвучавшие в речи известных политиков (В. Путина, М. Прохорова, Д. Туска, Я. Качиньского) и занимающие промежуточное положение между конвенциональными и креативными метафорами.

Ключевые слова: политическая метафора, конвенциональная метафора, метафорическая модель, политическая коммуникация, язык СМИ, структурная метафора, ориентационная метафора, прецедентная метафора, русский язык, польский язык.

В 2011 г. состоялись выборы в государственные парламенты Российской Федерации и Республики Польши (4 декабря и 9 октября соответственно). Выборы, центральное событие политической жизни в любом демократическом государстве, являются институтом прямой демократии, в рамках которой народ непосредственно принимает политические решения. В ходе предвыборной кампании обостряется борьба различных сил за власть – главную ценность политической сферы. Исследуя выступления бельгийских политиков в СМИ, К. де Ландтсхеер и Д. Фертессен обнаружили, что показатель метафорического индекса (*metaphorpowerindex*) увеличивается в предвыборный период по сравнению с периодами между выборов. Подобные факты, по мысли исследователей, подтверждают тезис о том, что метафора – не столько украшение речи, сколько способ убедить адресатов в своей правоте, вовлечь их в политическую деятельность [18].

В когнитивной лингвистике под метафорой понимают «способ осмысления сущности некоторого типа (относящейся к **области-мишени**) в терминах понятий, относящихся к сущностям другого, более простого, базового типа (относящимся к **области-источнику**)» [6]. В «Кратком словаре когнитивных терминов» находим следующее определение: когнитивная (концептуальная) метафора – «одна из форм концептуализации, когнитивный процесс, который выражает и формирует новые понятия и без которого невозможно получение нового знания» [7]. Такой подход к метафоре был впервые систематически представлен в книге Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» [9].

Метафорично прежде всего мышление, а языковые метафоры являются не более чем внешней манифестацией этого феномена [10. С. 34]. Таким образом, **метафора** – это и определенная ментальная операция (концептуальная/когнитивная метафора), и языковая единица, ее вербализирующая (языковая метафора/метафорическое выражение). При этом языковые метафоры – это главный инструмент исследования концептуальной метафоры.

Когнитивная лингвистика предлагает предельно широкий взгляд на метафорические выражения. «Метафорами, или, выражаясь более осмотрительно, метафороподобными выражениями» И. М. Кобозева называет «все образные построения, имеющие в качестве когнитивной основы уподобление объектов, относящихся к разным областям онтологии, или типам». Главное когнитивное свойство метафоры – это уподобление двух когнитивно далеких концептов, то есть непосредственно не связанных между собой в базе знаний о мире [6]. Из этого следует, что в состав метафорических выражений входят не только метафоры в традиционном понимании (имплицитные сравнения), но и метафорические эпитеты, образные сравнения, парафразы, метафорические гиперболы, идиомы и т. п. При этом вслед за И. М. Кобозевой мы отличаем метафору от метонимии: при порождении и понимании метафоры взаимодействуют две разные понятийные сферы, в то время как при метонимии когнитивная операция производится в пределах одной понятийной структуры [6].

Однако важно отметить, что метонимия, как и метафора, является важным способом категоризации мира в политическом дискурсе. Примером политической метонимии является польское выражение *moheroweberety* 'мохеровые береты', которое обозначает избирателей старшего или среднего возраста, занимающих консервативную, религиозную позицию. Это определение возникло в связи с характерным головным убором, который часто носят представительницы этой общественной группы. Материалом нашего исследования послужили тексты (по 100 на русском и польском языках), посвященные выборам в национальные парламенты и опубликованные в еженедельных общественно-политических журналах. Нами были выбраны самые популярные и влиятельные издания: на русском языке – «Коммерсантъ ВЛАСТЬ», «Эксперт», «Итоги», «Русский репортер», «Огонек», «The New Times»; на польском – «Polityka», «Wprost», «Newsweek Polska». Методом сплошной выборки были собраны все контексты, содержащие метафорические выражения (1250 контекстов в русском дискурсе и 1220 в польском), которые затем мы распределили по метафорическим моделям. Вслед за А. П. Чудиновым под **метафорической моделью** мы понимаем «существующую и/или складывающуюся в сознании носителей языка схему связи между понятийными сферами, которую можно представить определенной формулой: „X – это Y“» [11. С. 131].

Прежде всего необходимо отметить, что в русской и польской политической коммуникации используются одни и те же метафорические модели. Список сфер-источников метафорической экспансии в сопоставляемых языках идентичен, он включает 20 областей, которые можно распределить по 4 широким разрядам: «Человек» («Физиология и анатомия человека», «Болезни и их лечение», «Родство»), «Природа» («Мир животных», «Растительный мир», «Мир неживой природы»), «Социум» («Спорт и игра», «Война», «Зрелищные искусства», «Преступление», «Экономика», «Незрелищные искусства», «Образование», «Наука», «Монархия», «Религия») и «Артефакт» («Дорога», «Быт», «Техника», «Архитектура»).

Как указывают Дж. Лакофф и М. Джонсон, «общепринятые выражения и выражения творческого характера могут быть примерами одной общей метафоры» [9. С. 90]. И. М. Кобозева отмечает, что в ряде отечественных работ по политическому дискурсу игнорируются различия между лексикализованной и живой метафорой. **Лексикализованная** (мертвая, застывшая) метафора вошла в лексико-семантическую систему языка и потеряла главное свойство живой метафоры – семантическую двойственность (*политическая арена, рыночный механизм*). Живая метафора запускает в действие механизм концептуальной реконструкции денотата в терминах сферы-источника. Но среди живых метафор, в свою очередь, выделяются «метафоры **традиционные**..., намеренно гоняющие сознание адресата по уже неоднократно пройденному им пути между двумя концептосферами, и метафоры **креативные**, которые торят новые дорожки» [5]. Со стилистической точки зрения традиционные метафоры (*акулы пера, финансы – это кровь экономики*) являются речевыми штампами или клише, но эти метафоры не «умерли», зачастую читатель продолжает воспринимать образ, лежащий в их основе. На наш взгляд, во многих случаях проблематично отделить лексикализованные метафоры от традиционных: и те, и другие, в отличие от креативных, являются общепринятыми, обычными, высокочастотными. К тому же такой признак живой метафоры (в том числе и традиционной), как семантическая двойственность во многом субъективен: за одним и тем же метафорическим выражением один человек видит образ, а другой – уже нет. Поэтому мы рассматриваем лексикализованные и традиционные метафоры вместе, условно называя их **конвенциональными**. Исследователи отмечают, что «узуальные метафоры позволяют выявить конвенциональные способы осмысления действительности, в то время как окказиональные характерны скорее для индивидуального сознания и/или нестандартной ситуации» [10. С. 37].

Большинство конвенциональных метафор совпадают в русском и польском политических дискурсах. Они относятся к следующим метафорическим моделям: 1) спортивно-игровой; 2) военной; 3) театральной. Рассмотрим их подробнее.

1. Спортивно-игровая модель: *igrza/gra, ugrzek/gracz, гонка/wyścig, марафон/maraton, старт/start, стартовать/startować, финиш/finisz, финал/finał, фаворит/faworyt, финишная прямая/ostatniaprosta, темная лошадка/czarnykoń, поле/pole, козырь/atut, ставка/stawka, рокировка/roszada*.

Ср. Конечно, исходя из практики последних лет и особенностей текущего политического момента, можно предположить, что кое-кто до финиша избирательной гонки не доберется. *W tym wyściguliczą się dwaj główni gracze.* [В этой гонке важны два главных игрока.]

2. Милитарная модель: *война/wojna, стратегия/strategia, тактика/taktyka, штаб/sztab, бой/bój, мобилизация/mobilizacja, маневр/manewr, рекрутировать/rekrutować, ветеран/weteran, пятая колонна/piątakolumna*.

Ср. Обычно предвыборная война компроматов разворачивается ближе к началу агитационного периода в СМИ, то есть в конце октября. "*Wojna polsko-polska*" *zakończy się tylko wtedy, kiedy do władzy dojdzie PiS. [«Польско-польская война» закончится только тогда, когда к власти придет «Право и справедливость»].* Метафорическое выражение *wojnapolsko-polska* часто используется в польской политической коммуникации для обозначения непримиримого соперничества двух крупнейших партий – «Гражданской платформы» и «Права и справедливости».

Но в этой модели также представлены такие метафорические выражения, которые являются высокочастотными, общеупотребительными в одном языке, но не используются в другом (по крайней мере, в нашей выборке они не зафиксированы). Только для русского политического дискурса характерен концепт *соратник* 'товарищ по битвам, по оружию'. Ср. *Федеральные каналы начали информационную кампанию, направленную против Михаила Прохорова и его соратников*. В свою очередь, только в польской политической коммуникации с высокой долей частотности используется концепт *sztabowiec* 'офицер штаба, штабист, штабник'. Ср. *Do tej pory powybiorcze rozliczenia w PiS zawsze wyglądały tak samo: winę zwalano na sztabowców, a prezes umywał od wszystkiego ręce. [До сих пор сведение счетов в партии «Право и справедливость» после выборов всегда выглядело одинаково: всю вину сваливали на штабистов, а председатель умывал руки.]*

3. Театральная модель (модель зрелищных искусств): *арена/arena, закулисный/zakulisowy, сцена/scena, сценарий/scenariusz, сюжет/wątek*.

Ср. *Политическая драма, взволновавшая на прошлой неделе даже тех, кто не верил, что в российской политике есть что-то еще, кроме кремлевских сценариев и развонок, спустя неделю обернулась привычным пелевинским сюжетом, способным вызвать у наблюдателя только тошноту. Nie można zatem wykluczyć i takich scenariuszy, gdy posłowie Ruchu popierają projekty Tuska wbrew oporowi Pawlaka. [Поэтому нельзя исключать и таких сценариев, когда депутаты «Движения» поддерживают проекты Туска против воли Павляка.]*

Другие частотные метафорические выражения принадлежат к следующим моделям: технической (механизм/*mechanizm, аппарат/aparat, локомотив/lokomotywa* в значении 'известный человек, которого ставят во главе избирательного списка для увеличения числа голосов, подаваемых за весь список'), морбиальной (*диагноз/diagnoza*), неживой природы (*волна/fala, течение/nurt*), дома (*строить/budować, перестроить/przebudować*).

Во многих случаях общие конвенциональные метафоры были заимствованы из одного источника. Так, выражение *пятая колонна/piątakolumna* в значении 'вражеская агентура внутри страны' было заимствовано из испанского языка (*quintacolumna*), оно приписывается генералу Эмилию Молю, командовавшему контрреволюционной армией. Наступая на Мадрид осенью 1936 года, он передал по радио обращение к населению столицы, в котором заявил, что помимо имеющихся в его распоряжении четырех армейских колонн он располагает пятой колонной в самом Мадриде, проводившей там подрывную шпионскую работу [8]. В свою очередь, спортивно-зооморфная метафора *темная лошадка/czarnykoń* ('о политике, партии, чьи качества, возможности неясны, неизвестны') является калькой с английского *darkhorse*. Темной лошадкой участники игр на ипподроме называют лошадь, возможности которой неизвестны, но которая может помешать победе фаворитов [1].

Итак, еще раз подчеркнем, что большинство высокочастотных конвенциональных метафор, используемых для концептуализации политической сферы, в русском и польском языках совпадают. Однако есть и такие общепринятые метафорические выражения, которые характерны только для одного из двух рассматриваемых национальных дискурсов. Например, в русском политическом дискурсе в качестве сферы-источника конвенциональных метафор активнее используется домен «Механизмы»: концепты *машина, паровоз* (в том же метафорическом значении, что и *локомотив*), *рычаг, технолог, технология, тандем*.

В редких случаях для концептуализации одного и того же политического явления в русском и польском языках регулярно используются различные метафоры. Так, в польских текстах СМИ политика, который избирается не от своего родного округа, района и т. п., называют *spadochroniarz* (букв. *парашютист, солдат воздушно-десантных войск*). В русском политической дискурсе для обозначения похожего явления используется метафора *варяг*. Ср. *В список единороссов в Тюменской области*

попал варяг – чемпион... Список возглавил губернатор региона Владимир Якушев. Далее в порядке убывания идут: действующий депутат Госдумы от Тюменской области... Иван Квитка (2), чемпион мира по шахматам Анатолий Карпов (3), участвовавший в праймериз в Московской области и, видимо, попавший в тюменский список волевым решением федерального руководства партии... Ryszard Terlecki, kandydat PiS, znany i szanowany w Krakowie, zdobył 3,03 proc. głosów. Grodzka (jeszcze dwa lata temu Krzysztof) spadochroniarka z Warszawy, zgarnęła 3,83 proc. głosów. [Рышард Терлецкий, кандидат «ПиС», известный и уважаемый в Кракове, получил 3,03 процентов голосов. Гродская (еще два года назад Кишиштоф), парашютистка из Варшавы, собрала 3,83 процентов голосов.]

В рассмотренных примерах одна область структурируется в терминах другой области (так, политика может структурироваться в военных терминах). Теперь обратим внимание на то, каким образом в русской и польской политической коммуникации структурная метафора взаимодействует с ориентационной. Ориентационные метафоры – это метафоры, в основе которых лежат пространственные оппозиции (верх – низ, центр – периферия и т. п.). И в России, и в Польше в политической сфере представлены правые (prawica) и левые (lewica). В Польше принято представлять политику как сцену, разделенную на две части – правую и левую. На это обратила внимание еще М. Франковска [13].

Ср. Пример из нашего корпуса: *A wszystko wskazuje na to, że PiS uzyska dobry wynik i utrzyma swoją pozycję jako główna partia po tej stronie sceny politycznej.* [А все указывает на то, что «Право и справедливость» получит хороший результат и сохранит свою позицию как главная партия на этой стороне политической сцены (имеется в виду правая сторона).]

В России, в свою очередь, политика – это поле битвы, соответственно выделяют правый и левый фланг. Ср. *Так что логично: на левом фланге есть только КПРФ, мы [«Единая Россия»] – в центре.*

«Полевение» Думы VI созыва будет означать рост налогов и усложнение условий предпринимательства – именно этот тезис может, на мой взгляд, немного «раззадорить» окончательно «ушедший в себя» правый фланг российской политики.

Чем больше в составе той или иной метафорической модели конвенциональных метафор, тем выше ее частотность. Поэтому высокочастотными метафорическими моделями, по нашим данным, в рассматриваемых дискурсах являются спортивно-игровая, милитарная и театральная. В русских СМИ высокой долей частотности обладает также техническая метафора. Польская исследовательница М. Франковска в статье «Фразеология и метафорика в политических текстах 1989 – 1993 гг.» указывает на то, что «Театр», «Игры и развлечения», «Спорт», «Война» – это доминирующие семантические поля, к которым принадлежат политические метафоры [13]. Из этого мы можем сделать вывод, что за двадцать лет ситуация кардинально не поменялась.

Часто политик, публицист или общественный деятель становится автором яркой, образной метафоры. Высказывание, содержащее креативную метафору, цитируется в различных СМИ, постепенно теряет оттенок «новизны» и служит обычным способом представления ситуации. Поэтому такие метафоры занимают промежуточное положение между креативными и конвенциональными. При этом в своих текстах авторы либо прямо указывают на создателя метафоры, либо рассчитывают на фоновые знания адресата. В ряде случаев журналисты и политики «оживляют» такую метафору, разворачивая ее, полемицируя с ней и т. д. Подобные высказывания мы называем **прецедентными метафорами**. По замечанию А. П. Чудинова, «в России особое значение имеют идиостили политической элиты – руководителей государства, духовных лидеров, авторитетных общественных деятелей. Подобные идиостили нередко оказывают влияние на динамику дискурса. Приход к управлению страной... нового лидера, появление новых значительных идейных течений, новых «властелинов дум» обычно приводит к большему или меньшему изменению политического языка, в том числе и политической метафоры» [12]. По нашим наблюдениям, это высказывание справедливо и по отношению к польской политической коммуникации.

Проследим, к каким прецедентным метафорам чаще всего обращались в период предвыборной кампании 2011 г. в России и Польше.

15 сентября 2011 г. после скандальной отставки с поста руководителя партии «Правое дело» М. Д. Прохоров произнес следующую фразу: «В нашей стране есть кукловод, который приватизировал всю политическую систему. Это Сурков». Используя театральную метафору, М. Д. Прохоров сопоставил политическую систему России с кукольным театром, где отдельные политики – лишь куклы, марионетки в руках кукловода – заместителя администрации президента В. Ю. Суркова. Метафорический концепт кукловод, безусловно, не нов для российской политической коммуникации, но

именно высказывание М. Д. Прохорова активизировало его в текстах СМИ. Ср. *Ругаться с Сурковым, кроме шуток, дело хорошее и благородное, Сурков действительно обнаглевший кукловод, и кто-то рано или поздно должен был сказать что-то такое вслух и публично* (О. Кашин). Был создан окказионализм *кукловодство* (по аналогии с лексемой *руководство*). Ср. подпись к фотографии М. Прохорова с Д. Медведевым и В. Сурковым: *«На этапе создания «Правого дела» Михаил Прохоров провел ряд конструктивных встреч с кукловодством страны»* (Коммерсантъ ВЛАСТЬ. № 37). Политики и журналисты разворачивали метафору М. Д. Прохорова, используя другие концепты из сферы-источника «Театр». Ср. *Политические кукловоды вообще фантастическая и неблагодарная профессия: всегда либо публика не та, либо куклы* (Б. Лейбин). На вопрос журналистки С. Суховой *«Как вы оцениваете предвыборную ситуацию в целом? Действительно ли всем рулит „кукловод“?»* (Итоги. № 39) – Д. О. Рогозин, на тот момент постоянный представитель РФ при НАТО, ответил: *«Если игроки считают себя куклами, кукловоды будут обязательно. Все решает личный выбор. Если человек хочет быть настоящим политиком, он будет дорожить именем и репутацией и никогда не станет действовать по приказу. Честь и достоинство еще никто не отменял. Я не могу позволить себе быть марионеткой в чьих-то, пусть и очень уважаемых, руках»*.

Метафора М. Д. Прохорова «В. Сурков – это кукловод» легла в основу целой публикации – фельетона Д. Камышева «Быль о золотом ключике» (Коммерсантъ Власть. № 37), построенного на интертекстуальных связях со сказкой А. Н. Толстого «Золотой ключик, или Приключения Буратино». Этот текст является развернутой метафорой: М. Д. Прохоров – это Буратино, В. Ю. Сурков – кукловод Карабас Барабас, партия «Правое дело» – труппа, Е. В. Ройзман – Пьеро и т. д.

Метафора может стать официальным названием общественно-политической организации. В мае 2011 г. В. В. Путин объявил о создании «Общероссийского народного фронта»: «Такая форма объединения усилий всех политических сил применяется в разных странах и разными политическими силами – и левыми, и правыми, и патриотическими, – это инструмент объединения близких по духу политических сил... Это объединение может называться „Общероссийский народный фронт“, в рамках которого беспартийные кандидаты могли бы пройти в Думу по списку „Единой России“». То, что военная метафора (*фронт* – это «обращенная к противнику сторона боевого расположения войск или отдельной войсковой единицы»; «стратегический район действий группы армий под начальством одного командующего») легла в основу названия новой общественно-политической организации во главе с председателем правительства, очень показательно. Это свидетельствует о том, что домен «Война» является важной сферой-источником метафорического осмысления политической действительности в российском дискурсе. Многие политики и публицисты обратили внимание на исходную область этой метафоры. Например, на вопрос журнала «Коммерсантъ-Власть» «Вы уже вступили в „Народный фронт“?» (№ 29) – С. М. Миронов ответил: *«Нет, и не собираюсь, фронт – это всегда война. А с кем может воевать «Единая Россия»? Только с собственными гражданами»*. Похожий ответ дал актер И. И. Охлобыстин: *«Я не слышал про фронт, а где война?... А фронт – это война с кем-то. Надо выяснить, с кем воюем»*.

Развитие названия данной организации привело к появлению и других метафорических выражений: *фронтвик, фронтовой, прифронтовой*. Ср. *Некоторые уже опасаются, что обещанная «фронтвиками» доля в 25 процентов списочных мест обеспечена не будет*.

Многие авторы текстов при упоминании «Общероссийского народного фронта» «оживляют» метафору, используя другие концепты из военной сферы. Ср. *Фронтовые колонны поведут за собой проверенные полководцы – министры и вице-премьеры*.

Кстати, зачем вас уже рекрутировали в Общероссийский народный фронт?

Сначала на «Фронт» мобилизовали членов без малого двух сотен всероссийских общественных объединений.

Теперь обратимся к прецедентным метафорам польского политического дискурса в период предвыборной кампании.

Дональда Туска, в то время премьер-министра и председателя партии «Гражданская платформа», часто обвиняли в том, что его правительство в своей деятельности не ставит перед собой глобальных задач и не проводит кардинальных реформ, а ограничивается политикой «теплой воды в кране» (*politykaciepłejwodywkranie*), то есть удовлетворяет лишь сиюминутные потребности граждан. Отстаивая свою позицию, Д. Туск использовал морбиальную метафору. В программе «Tomasz Lis na żywo» 5 сентября 2011 г. Он заявил: *«Rządzenie to nie jest sztuka zadawania ludziom bólu, dobre rządzenie to*

odpowiedzialne czynienie życia ludzkiego prostszym, lepszym, a nie trudniejszym, bardziej bolesnym» [Правильно – это не значит причинять людям боль, это значит ответственно делать человеческую жизнь проще, лучше, а не труднее, болезненнее]. Кроме того, премьер апеллировал к широко распространенному страху обычного человека перед визитом к стоматологу: *«Jakktoś chce, żeby bolało, niechidziedodentysty»* [Если кто-то хочет, чтобы было больно, пусть идет к дантисту]. Таким образом Д. Туск сравнивает реформы с болью и не хочет выступать в роли дантиста – реформатора. Большинство людей так и поступают: предпочитают перетерпеть зубную боль, вместо того чтобы испытать еще большую боль в стоматологическом кресле. Но эта метафора не может служить исчерпывающим аргументом, напротив, в ней заложены широкие возможности для полемики, чем и пользуются журналисты: *Alecelem lideramusibyć właśnieprzeprowadzanie niezbędnych zmianpoto, byniefundować ludziombólw przyszłości. Jak zab boli, to lepiej iść do dentysty dziś niż za rok.* [Но целью лидера как раз и должно стать проведение необходимых реформ для того, чтобы в будущем не причинить людям еще больше боли. Раз болит зуб, то лучше идти к дантисту сейчас, чем через год.] Авторы подвергают критике само сопоставление боли и реформ: *«Toutożsamianiereform z bólem jest balamutne»*. [Отождествление реформ с болью сбивает с толку.] Некоторые публицисты продолжают разворачивать метафору Д. Туска. Известный польский историк, журналист и телеведущий Мартин Меллер так описывает абсурд, царящий в польской политике: *«Będziemymieliciagdalszyubawu. A rządzenie? A kto by się tym przejmował! Nie jesteśmy u dentysty, żeby musiało boleć. Nawet u stomatologa mogą podać gaz rozweselający. Wiem, próbowałem, jest super»*. [Мы можем потешаться и дальше. А управление страной? А кого это волнует! Мы ведь не у дантиста, чтобы было больно. Даже у стоматолога могут применить веселящий газ. Знаю, пробовал, это супер.]

Критикуя чересчур осторожную политику правительства Д. Туска, его неспособность проводить необходимые реформы, лидер главной оппозиционной партии «Право и справедливость» Ярослав Качиньский следующим образом высказался в одном из интервью: *«DonaldTuskwpewnym momencie... doszedł do wniosku, żezmianysą zbyttryzyczne, że tostraszniekosztuje... Wywiesił białą flagę, naszym zadaniem jest to, żeby tą białą flagę zwinąć»*. [Дональд Туск в определенный момент... пришел к выводу, что перемены слишком рискованны, что это страшно дорого обходится... Он вывесил белый флаг, наша задача – это белый флаг свернуть.] Милитарная метафора Я. Качиньского представляет политику как войну, а Д. Туска – как военного, объявляющего о своей капитуляции и сдающегося на милость врагам. Причем враги, в понимании председателя «Прав и справедливости», это и мощные лоббистские силы внутри страны, препятствующие реформам, и соседние государства – Германия и Россия. Высказывание Я. Качиньского активизировало метафору *wywiesić białąflagę* в польском предвыборном дискурсе. На вооружение ее взяли и члены правящей партии, обвиняя в неэффективности предыдущее правительство во главе с Я. Качиньским. На вопрос журнала «Wprost» (№ 40) «Какие из проблем, которые вы решили за этот срок полномочий, не смогло бы решить, с вашей точки зрения, “Право и справедливость”?» – министр иностранных дел, член партии «Гражданская платформа» Радослав Сикорский ответил: *«Mogę panupowiedzieć, comogłozałatwić, aniezałatwiło, bowywiesiłowiałąflagę. Myśmy wypodziedzieli umowę z Federacją Rosyjską o nieruchomościach sowieckich w Warszawie. Pani minister Fotyga jakoś nie znalazła na to czasu ani odwagi»*. [Могу Вам сказать, что могло решить, но не решило, так как вывесило белый флаг. Именно мы денонсировали договор с РФ о советской недвижимости в Варшаве. Госпожа министр Фотыга как-то не нашла на это ни времени, ни храбрости.]

Подводя итоги, еще раз подчеркнем, что при анализе метафорической мозаики национального дискурса важно разделять конвенциональные и креативные метафоры. Большинство конвенциональных метафор в русском и польском политических дискурсах совпадают. Они относятся прежде всего к спортивно-игровой, военной и театральной моделям. В русских политических текстах в качестве сферы-источника конвенциональных метафор активнее используется домен «Механизмы». Чем больше в составе той или иной метафорической модели конвенциональных метафор, тем выше ее частотность. Промежуточное положение между конвенциональными и креативными метафорами занимают прецедентные метафоры – метафоры, прозвучавшие в речи известных политиков и публицистов. То, что в состав той или иной метафорической модели входит прецедентная метафора, может свидетельствовать о доминантности этой модели в данный исторический период.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большой фразеологический словарь русского языка / отв. редактор В.Н. Телия. М.: АСТ-Пресс, 2006. 784 с.
2. Будаев Э.В. Сопоставительная метафорология. Нижний Тагил: НТГСПА, 2011. 330 с.
3. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в политическом интердискурсе. Екатеринбург, 2006. 215 с.
4. Керимов Р.Д. Лингвокогнитивные аспекты изучения немецкой политической метафоры // Гуманитарный вектор. Серия: Филология, востоковедение. 2013. № 4 (36). С. 155-164.
5. Кобозева И.М. Лексикосемантические заметки о метафоре в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2010. № 2. С. 41-46.
6. Кобозева И.М. Семантические проблемы анализа политической метафоры // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 2001. № 6. С. 132-149.
7. Краткий словарь когнитивных терминов / под общей редакцией Е. С. Кубряковой. М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997. 245 с.
8. Крылатые слова и выражения. Толковый словарь / авт.-составитель А. Кирсанова. М.: Мартин, 2009. 400 с.
9. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ.; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
10. Скребцова Т.Г. Когнитивная лингвистика: курс лекций. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011. 256 с.
11. Чудинов А.П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2006. 256 с.
12. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991 – 2000). Екатеринбург, 2001. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/chudinov-01.htm> (дата обращения: 05.04.2015).
13. Frankowska M. Frazeologia i metaforyka w tekstach politycznych lat 1989–1993 // Język polityki a współczesna kultura polityczna. Wrocław, 1994 URL: <http://www.lingwistyka.uni.wroc.pl/jk/JK-11/JK11-frankowska.pdf> (дата обращения: 05.04.2015).
14. Kiklewicz A. Metafora interakcyjna w tekście publicystycznym // Zeszyty prasoznawcze. 2010. № 1-2. URL: http://www.obp.pl/_zp-teksty-online/2010/2010%201-2/ZP%201-2%202010%20Kiklewicz.pdf (дата обращения: 05.04.2015).
15. Kiklewicz A., Prusak M. Pragmatyczne aspekty teorii metafor pojęciowych (przy szczególnym uwzględnieniu metafor politycznych w polskich tekstach prasowych) // Respectus Philologicus. 2006. № 9 (14). С. 20-30.
16. Mammadov A. Metaphors in the American and Russian political discourse // RASK. 2010. № 31. URL: <http://static.sdu.dk/mediafiles/C/8/1/%7BC81F7500-F598-45CD-86E0-F44DF4D1FC5A%7Dazad%20mammadov.pdf> (дата обращения: 05.04.2015).
17. Ringmar E. Metaphors of Social Order in Europe, China & Japan // Metaphor in Political Science. Granada, 2005. URL: <http://eis.bris.ac.uk/~potfc/Granada/Papers/Ringmar.pdf> (дата обращения: 05.04.2015).
18. Vertessen D., Landtsheer C. Metaphorical Election Style? Patterns of Symbolic Language in Belgian Politics // Metaphor in Political Science. Granada, 2005. URL: <http://eis.bris.ac.uk/~potfc/Granada/Papers/Vertessen.pdf> (дата обращения: 05.04.2015).

Поступила в редакцию 15.04.2015

E.P. Dulesov

**CONVENTIONAL METAPHORS IN RUSSIAN AND POLISH POLITICAL COMMUNICATION
(BASED ON MASS MEDIA TEXTS ON PARLIAMENTARY ELECTION)**

According to foreign and Russian linguists, metaphors are used more actively during political campaigns. It is important to distinguish conventional metaphors from novel ones when analyzing the metaphoric mosaic of national discourse. Being commonly accepted and high-frequent, conventional metaphors form a “framework” of any metaphoric model. Using mass media texts on parliamentary election the author compares conventional metaphors used to conceptualize the political sphere in the Russian and Polish languages. These metaphors mainly come from such source domains as “Sports and games”, “War”, “Theatre and other performing arts”. The article also examines so called “precedential metaphors” used by famous politicians (V. Putin, M. Prokhorov, D. Tusk and J. Kaczyński) that hold a position between conventional and novel metaphors.

Keywords: political metaphor, conventional metaphor, metaphoric model, political communication, mass media language, structural metaphor, orientational metaphor, precedential metaphor, Russian, Polish.

Дулесов Евгений Павлович, магистрант

ФГБОУВПО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 2)
E-mail: gene_changeling@mail.ru

Dulesov E.P., Master's degree student

Udmurt State University
426034, Russia, Izhevsk, Universitetskaya st., 1/2
E-mail: gene_changeling@mail.ru